

Памятники письменности традиционного содержания как лингвистический источник

(их значение
и методика исследования)

Понятие «памятники традиционного содержания» относится к рукописной книге и, следовательно, к древнейшему и среднему периоду развития нашей письменности (т. е. преимущественно до книгопечатания). Под памятниками традиционного содержания имеются в виду памятники письменности, представленные в нескольких (как правило, многочисленных) списках, относящихся к разному времени и к разным территориям. Со временем в условиях той или иной среды (язык писца) в рукописных текстах одного и того же содержания появляются языковые особенности, которые в той или иной степени отражают вновь возникшие или существовавшие издавна отличия между языком последнего писца (иногда и нескольких предыдущих) и языком или диалектами, отразившимися в предшествовавших списках памятника, имеющего традиционное (или, реже, тождественное) содержание.

Славянские рукописи, текст которых характеризуется традиционным или тождественным содержанием, можно рассматривать как написанные на одном литературном языке, но для древности и само понятие «литературный язык» еще требует особого рассмотрения.

Выражение «памятники традиционного содержания» нельзя заменить словами «памятники одного и того же содержания». Последние являются лишь частью первых. Дело в том, что содержание памятника письменности, представленного в разных списках, может быть различным вследствие добавления или исключения частей текста, изложения определенных мест в сокращении,

изложения более пространного, иной последовательности частей текста, иного членения текста на самостоятельные отрывки (посредством особых заголовков, оформления красной строки инициалами или как-либо иначе) и некоторых других объектов чисто текстологического исследования. Эти вопросы не относятся к лингвистическому изучению (хотя среди текстологических вопросов есть и такие, которые являются одновременно лингвистическими), но с них следует начинать при отборе материала для изучения языка рукописей традиционного содержания.

Понятие «памятники традиционного содержания» охватывает любые древние памятники, представленные рядом списков: летописи, Русскую правду, кормчие, гомилетическую литературу, литургические книги и другие памятники. Для раннего периода нашей письменности оно особенно уместно, так как дошедшие до нас древнейшие рукописи не отличаются большим разнообразием и представляют собой в подавляющем большинстве многочисленные списки памятников, предназначенных главным образом для использования их в церковной практике. Последние характерны именно своим традиционным (но не одинаковым, см. ниже) содержанием и потому представляют собой своеобразный источник для исследования языка древнейших эпох.

Памятники традиционного содержания, естественно, могут быть и разных редакций, и разных изводов.

* * *

Понятия «редакция» и «извод» необходимо различать не только в применении к тексту памятников древней письменности (см.: Д. С. Лихачев. Текстология. М.—Л., 1962, стр. 116—126), но и в применении только к языку их. Между тем в некоторых авторитетных работах и изданиях между этими понятиями ставится знак равенства. Так, академик Е. Ф. Карский в своей «Славянской кирилловской палеографии» (Л., 1928) писал: «При списывании книг с древних церковнославянских оригиналов болгарами, сербами и русскими возникали изводы, или редакции, церковнославянских памятников с местными чертами, свойственными народным языкам — болгар, сербов и русских. Итак, в основе кирилловской письменности и ее орфографии лежат памятники древнего церковнославянского языка с установившейся в них орфо-

графией (церковнославянский извод, церковнославянская редакция)» (стр. 315). Ср. также: «Извод — в древнерусской письменности редакция, вариант какого-нибудь текста» (БСЭ, т. 17. Изд. 2, стр. 373).

С нашей точки зрения, редакция — это понятие, которое относится прежде всего к тексту памятника и лишь во вторую очередь к его языку. Извод — понятие, которое относится только к языку рукописи и отражению его в определенной последовательно или, наоборот, непоследовательно проводимой орфографии. Извод и редакция могут сопоставляться исследователями древней письменности лишь постольку, поскольку вторая включает и изменения в языке рукописи, а не ограничена чисто текстологическими изменениями (см. выше). Редакция, с точки зрения лингвистической, есть результат преднамеренной замены языковых черт (лексических и словообразовательных элементов, фразеологии, элементов синтаксиса и отчасти грамматических форм), замены, проведенной более или менее одновременно и последовательно одним лицом или группой лиц, объединенных единством целей, принадлежащих к одной историко-культурной или литературной школе, пишущих на одном языке или диалекте. Извод же — разновременное, случайное по отношению к каждому списку памятника, как правило, не нарочитое, отраженное лишь в орфографии рукописи изменение ее языка в процессе бытования списков этого памятника в определенной языковой среде. (Классический пример разбора русского извода был дан Н. М. Каринским в работе «Остромирово евангелие как памятник древнерусского языка». — ЖМНП, 1903, май, стр. 94—110). Таким образом, редакция и извод, в той степени, в какой их можно рассматривать с точки зрения языка рукописи, различаются тем, что редакция есть результат одновременного акта редактирования, а извод — следствие бытования. Лишь в частном случае, если после длительного бытования разных списков одного и того же памятника один из них будет признан эталоном и поэтому другие списки перестанут использоваться для переписывания, можно все последующие списки, восходящие к этому эталону, рассматривать как списки новой редакции, хотя она возникла в результате длительного становления в форме извода.

Для текстолога-лингвиста (историка, литературоведа), видимо, важнее то, что редакция часто характеризуется текстологическими изменениями, не относящимися к языку, а извод относится только к языку.

* * *

Основными источниками для изучения языка в его истории, как известно, являются живые диалекты и современные родственные языки, с одной стороны, и соответствующие им памятники письменности — с другой. В последнее время круг диалектных источников восточнославянских языков (и других славянских) разрабатывается весьма успешно. На этом поприще трудятся тысячи исследователей (считая и студенчество). Существенные изменения произошли и в методах исследования современного материала: применяются принципиально новые методы картографирования диалектных различий; изменились методы собирания материала — все шире применяются различные способы звукозаписи, анализ звуков речи с помощью новых физико-технических способов исследования; при анализе языковых фактов намечается тенденция к применению структурных методов и т. п.

Но другой основной источник — памятники письменности — разрабатывается лингвистами в самой незначительной степени. Особенно недостаточно изучается материал древнейших неизданных рукописей. Одной из причин этого является то обстоятельство, что оригиналы памятников, созданных на Руси до XIV в. включительно, в наших книгохранилищах насчитываются единицами (если исключить из общего подсчета около 400 новгородских берестяных грамот, очень небольших по объему). Подавляющее же большинство рукописей для указанной эпохи представлено многочисленными и большими по объему книгами церковной письменности, восходящими к старославянским протографам.

В богатейших среди славянских стран книгохранилищах СССР находится наибольшее число славянских рукописей XI—XIV вв., написанных преимущественно восточными славянами или частично южными славянами. Внешней приметой этих рукописей является то, что они написаны не на бумаге, а на пергамене, и притом древнейшим почерком — уставом, иногда полууставом. Как

написанные на пергамене крупным торжественным письмом, эти рукописи имели огромную цену, складывавшуюся из стоимости кожи для выделки пергамена, труда, потраченного на ее обработку и на длительный процесс писания и художественного оформления книги в древности. Неудивительно, что книги эти сохранялись, оберегались при всякого рода несчастных случаях (при пожарах и т. п.) и, как другие ценные предметы, передавались из поколения в поколение. Благодаря этому в наше время лингвисты располагают для характеристики языка древнейшего периода большим числом списков разного времени и разных мест с памятников церковной письменности. Например, от XI—XIV вв. сохранилось свыше 200 сравнительно полных списков евангелия, отражающих диалектные черты, и еще большее число фрагментов этого текста размером от одного до нескольких десятков листов. Характерно, что названный памятник, который должен бы быть наиболее однообразным («канонизированным»), в рукописях указанного периода представлен не только списками, относящимися по языку к разным диалектным областям, по языку и письму к разным изводам и редакциям, но и к разным типам и семьям по составу текста.

Наличие многих списков в основном одного и того же по содержанию памятника, списков, существующих в нескольких редакциях, иногда с отдельными частями, восходящими к разным переводам одного и того же греческого текста, совершенным в разное время и в разной языковой среде, типично для памятников традиционного содержания, обслуживавших в прошлом нужды церкви. Благодаря наличию языковых разночтений эти рукописи особенно ценны для лингвистического исследования.

* * *

Главное преимущество в лингвистическом плане рукописей традиционного содержания, употреблявшихся в церковном обиходе, — почти полная сопоставимость языковых данных. Имеющиеся в них текстологические отличия, препятствующие в других случаях непосредственному сопоставлению языковых фактов, состоят главным образом лишь в разной последовательности определенных частей традиционного текста (см. ниже). Последнее, правда, не относится к «толковым редакциям», поскольку они ха-

рактизуются прежде всего чисто текстологическими особенностями в содержании по сравнению с «нетолковыми».

Сравнительно нетрудная сопоставимость материала позволяет выявлять чисто языковые соответствия разных списков: новообразования, диалектные черты, особенности языка, вошедшие при редактировании текста в каком-либо культурном центре славян в древности или в средние века. Можно указать множество примеров языковых различий в одном и том же тексте (т. е. главе и стихе) для наиболее распространенных в древности памятников — апостола и евангелия — по разным спискам этих памятников. По изданию Г. А. Воскресенского, исследовавшего 57 списков апостола XII—XIV вв. и выявившего четыре редакции этого памятника¹, приведем несколько связанных примеров, имеющих существенное и разнообразные языковые различия, характерные для многих памятников традиционного содержания²:

- 1) **вѣшьдѣ на высотоу. пѣ-** **вѣшьдѣ на высоту. плани-**
ниаѣ кси пѣнѣ. приаѣ **панаѣ и даѣѣ дааниаѣ**
кси дааниѣ къ чавцѣхѣ. **чавкмаѣ.**
(Послание к ефесянам, IV, 8) (Там же)

Из приводимых Г. А. Воскресенским различий к рукописи ГПБ Q. п. I 5 из других рукописей той же «редакции» особый интерес представляет выражение **пѣни полонѣ** в рукописи XIV в., находящейся в ГБЛ (ф. 304, № 2).

- 2) **а кже възлѣзе. что ксть.** **кже бо взиде что ксть**
аѣе не тѣкмо. яко и **но яко и сниде перѣѣѣ**
сѣлѣзе дрѣбеле въ ниж- **къ долѣшьнаѣ части**
нѣнишаѣ части земаѣ. **земаѣ.**
(Там же, IV, 9) (Там же)

- 3) **да не боудемѣ к то-** **да к тому не будемѣ мла-**
моу младеньци. вѣлаю- **денци. плабающии и по-**

¹ Г. А. Воскресенский. Древнеславянский апостол, вып. 1—5. Сергиев-Посад, 1892—1908.

² В левом столбце первые три примера приведены по изданию Г. А. Воскресенского из Христинопольского апостола XII в., примеры 4—8 по тому же изданию из рукописи 1220 г. (ГИМ, Син., № 7). В правом столбце приведен текст рукописи (ГПБ, Q п. I 5), датированной Г. А. Воскресенским XIV в., а Е. Э. Гранстрем — XIII в. (см.: Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953, стр. 24).

црса и скытающрса
вк всакомъ вѣтрѣ оуче-
нню. вк лѣжи члвчствѣ.
вк коварьствени кк кѣзни
лщению.

(Там же, IV, 14)

- 4) вкзлюбашю бо видѣти вы.
да етеро подамъ вамъ да-
рочаник дхвѣнок оутвер-
дитиса вамъ.

(Послание к римлянам, I, 11)

- 5) иже безъ оупоканиа на
оупоканик вѣрова. быти
кмоу оцю многолмъ изы-
колмъ. по реченому. тако
боудеть сѣма ткож.

(Там же, IV, 18)

- 6) напасть васъ не прийтъ.

(Послание к коринфянам I,
X, 13)

- 7) яко же преже рѣхомъ.
и нынѣ пакы глѣю. иже
вамъ благовѣститъ.

(Послание к галатам, I, 9)

- 8) нво псахъ вамъ се исто.
да не пришьдъ скървь
на скървь прилмоу. онихъ
же подобактъ ми са радо-
вати. надѣлмъ бо са на вы.
яко моя радость всѣмъ
вамъ ксть.

(Послание к коринфянам II,
II, 3)

рѣкми всѣмъ вѣтромъ.
оучениа вк лоукахъ чло-
вѣчьскахъ. и премыс-
лѣхъ. по художьству
лестьному.

(Там же)

- любашю бо видѣти васъ. да
нѣкыи подамъ даръ вамъ
дхвѣныи оутвердитиса
вамъ.

(Там же)

- иже чресь надежю. наде-
жею вѣрова. яко же быти
кмоу оцю многолмъ стра-
намъ по реченому. тако
будеть плема ткож.

(Там же)

- напасть васъ нѣсть пла.

(Там же)

- яко же преже рекохомъ.
и нына пакы глѣю, еже
вамъ благовѣститъ.

(Там же)

- и писахъ вамъ. се же исто-
вое да не пришьдъ печаль
имамъ. от нихъ же подо-
баеть ми радочатиса.
оупочаш ко всѣмъ вамъ.
яко радость моя всѣхъ
васъ есть.

(Там же)

Среди приведенных разночтений в трех списках апостола XII—XIV вв. в той или иной степени представлены основные различия, типичные для выявленных Г. А. Воскресенским «редакций», а именно для Христинопольского и Толкового 1220 г., с одной стороны, и для

рукописи Q. п. I 5, с другой стороны. Имеются многочисленные различия в лексике: **възлѣзе** — **възиде**, **склѣзе** — **скинде**, **дрѣвле** — **первѣе**, **нижнѣншаа** — **долѣншаа**, **вълающеса** — **плавающини**, **всажъ** — **весь**, **въ лъжи** — **въ лоукахъ**, **въ коварьствени** — **въ премыслѣхъ**, **стеръ** — **некыи**, **оупованиѣ** — **надежа**, **оуповати** — **надѣтиса**, **языкъ** — **страна**, **стѣла** — **плѣма**, **скървь** — **печаль**. Некоторые различия относятся к словообразованию: **вълюбляю** — **люблю**, **дарованиѣ** — **даръ**, **исто** — **истовок** (в последнем примере есть и разница в форме прилагательного, если первое слово не наречие), **нына** — **ныгѣ**.

Некоторые лексические различия выявляются только в устойчивых словосочетаниях и фразеологических оборотах. По-видимому, сюда можно отнести примеры: **къзнь лыщению** — **хоудожество лестноѣ**, **въ коварьствени къ къзни лыщению** (пример 3), **безъ оупованиа на оупованиѣ** на **оупованиѣ вѣрова** — **чресъ надежю надежю вѣрова** (пример 5), **скървь на скървь приимоу** (пример 8), **моа радость всѣмъ камъ ксть** — **радость моа всѣхъ васъ ксть** (там же), но материал этот требует дополнительного исследования.

Имеются отдельные синтаксические или морфологические различия, вызванные лексическими (различия в залоге, в значении управляющего или управляемого слова и др.): **скытающеса въ всакомъ вѣтрѣ** — **порѣкми всѣмъ вѣтромъ** (пример 3), **безъ оупованиа на оупованиѣ вѣрова** — **чресъ надежю надежю вѣрова** (пример 5). И к синтаксису, и к морфологии относятся различия в месте возвратной частицы, например свободный порядок в рукописи 1220 г. — **са радовати** (пример 8), **надѣкмъ во са** (пример 8), **оутвердитиса** (пример 4) и постпозитивное контактное употребление частицы в рукописи Q. п. I 5 — **радоватиса**, **оутвердитиса**.

Морфологические разночтения чаще проявляются в выборе грамматических форм, например **рѣхомъ** — **рекохомъ** (древний или новый сигматический аорист, пример 7), **не приатъ** — **нѣсть гла** (аорист или перфект, пример 6), **исто** — **истовок** (краткое или полное прилагательное или наречие и прилагательное, пример 8), **вълающеса** (младенъци) — **плавающини** (согласованное и несогласованное употребление причастий, пример 3), **вы** — **васъ** (собственная форма винительного падежа или форма

родительного падежа в значении винительного, пример 4) и др.

Кроме того, в каждой ближайше родственной группе списков могут быть свои фонетические и грамматические особенности. Их обычно изучают в каждом списке отдельно. При этом с большей или меньшей долей уверенности можно констатировать тот или иной языковой факт, с одной стороны, в языке последнего писца и, с другой стороны, особенности оригинала, с которого была переписана рукопись. В случае, когда удастся локализовать рукопись по времени и месту написания, можно характеризовать по установленному явлению язык этой местности в определенное время. История языкового явления как такового может быть установлена лишь при сравнении этой рукописи с иными, написанными в другое время и в других местностях. В ходе такого анализа (сначала написаний каждой отдельной рукописи, а потом всех полученных данных) приходится часто без достаточных оснований решать вопрос о том, какие именно из имеющихся в рукописи написаний следует относить за счет традиции, за счет оригинала, и что можно рассматривать как отражение живого языка последнего писца, всякий раз решать вопрос о том, что в языке является архаическим, что регулярным и что новообразованием.

Все изложенное приводит к мысли, что более рациональным может оказаться изучение параллельно рукописей одного и того же традиционного содержания не только для выявления лексических особенностей и связанных с лексикой вопросов, но и для изучения фонетических и грамматических явлений. При параллельном изучении многих списков одного и того же памятника или изучении рукописей (или их частей) традиционного содержания возможен анализ исторических наслоений в орфографии рукописей, вследствие чего история многих фонетических и грамматических явлений может быть освещена точнее как в отношении времени возникновения и развития каждого явления, так и языкового изменения в территориальном аспекте.

* * *

В предыдущем разделе было отмечено, что в текстах традиционного содержания имеют место разнообразные языковые разночтения и что лингвистическое исследова-

ние таких текстов целесообразно производить по группам рукописей, а не по каждой в отдельности.

Приступая к исследованию языка по группе текстов (иногда лишь отдельных отрывков в тексте целого памятника) тождественного содержания, необходимо прежде всего провести текстологическую разработку материала с целью выяснения группировки рукописей, потому что одни исследования опираются на тексты, представляющие все группы и семьи такого памятника, на одну группу (семью) рукописей, но зато привлекаются все списки с исчерпывающей полнотой. Сделать отбор рукописей без исследования их содержания, последовательности частей, без текстологического изучения вряд ли возможно. Такое изучение может быть однократным, а результаты его можно использовать много раз для разных аспектов лингвистического исследования.

Приведенные выше примеры показывают, как глубоко ошибочно распространенное мнение, что памятники письменности, предназначенные для церкви, канонизированы и что при их переписке писцы стремились соблюдать букву оригинала. В действительности эти памятники различались, притом и по языку, и по содержанию. На примере даже такого памятника, как евангелие, можно показать, что «канонизированные» памятники традиционного содержания имеют и чисто текстологические отличия, а не только языковые разночтения. Тем более велики могут и должны быть текстологические различия в «светских» памятниках традиционного содержания.

Евангелие представлено большим количеством списков, и списки эти существенно различаются по составу. Этот памятник древнейшей письменности, восходящий в основных своих чертах к кирилло-мефодиевской эпохе, представлен четырьмя основными типами: краткий апракос, тетр, полный апракос и воскресное евангелие. Из них два первых сохранились в древнейших списках, написанных не только кириллицей, но и глаголицей (глаголический краткий апракос — Ассеманиево, тетры — Зографское и Мариинское евангелия), причем кириллическая рукопись, представляющая по содержанию краткий апракос — Саввина книга, — относится, по-видимому, к началу X в. Сохранившиеся до нашего времени полные апракосы относятся к началу XII в. и представлены русскими списками.

Нами был изучен с точки зрения состава полный апракос. Особое внимание при этом уделялось чтениям на подвижную часть года. При этом оказалось, что по составу отдельных чтений на дни от пятидесятницы до нового лета эти рукописи распадаются на два существенно различающихся типа: 1) тип Мстиславова евангелия (рукописи, написанной около 1117 г. для новгородского князя Мстислава Володимировича) и 2) тип Мирославова евангелия (сербская рукопись около 1200 г.)³. Первый из них в свою очередь делится на многочисленные группы и семьи. Так, в этом типе имеются различающиеся между собой основные группы. Они могут быть выделены по содержанию и оформлению текста в цикле чтений от пятидесятницы до нового лета. Прежде всего привлекает внимание различная последовательность дней, составляющих неделю (седмицу), имеющую определенный порядковый номер. В Мстиславовом списке неделя начинается субботой и кончается пятницей. В Добриловом списке 1164 г., отделенном от Мстиславова менее чем полустолетием, седмица в указанном цикле чтений начинается с понедельника и кончается воскресеньем. Наряду с этими довольно многочисленными группами имеется третья, представленная всего лишь десятком рукописей XIII—XIV вв. В ней счет дней недели начинается с воскресенья и оканчивается субботой⁴.

По содержанию чтений в цикле от пятидесятницы до нового лета рукописи мстиславовского типа распадаются еще и на несколько семей по составу чтений на простые дни недели (кроме субботы и воскресенья) от пятидесятницы до нового лета и по отсутствию или наличию чте-

³ Подробнее об этих типах и указанных выше см.: Л. П. Жук о в с к а я. Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием. «Вопросы славянского языкознания», вып. 7. М., 1963, стр. 73—81.

⁴ Происхождение различий в последовательности дней недели представляется достаточно прозрачным, но мы не останавливаемся на нем как несущественном для настоящей статьи. Отметим лишь, что оно связано с разными принципами нумерации дней в первую неделю после пятидесятницы при составлении полного апракоса (пополнении его по сравнению с кратким апракосом. См.: Л. П. Жук о в с к а я. О переводах евангелия на славянский язык и о «древнерусской редакции» славянского евангелия. Сб. «Славянское языкознание». М., 1959, стр. 86—97) и последующем упорядочении и приведении к единообразию с оформлением недель в предшествующем или последующем циклах чтений.

ний на субботу и воскресенье 17-й недели. Удлинение цикла в отдельных семьях рукописей было связано, видимо, с необходимостью обеспечить особыми чтениями все дни года в случаях большей длительности церковного года.

Главное различие здесь состоит в том, содержится ли в цикле 16 недель (седмиц) или в нем представлено 17 недель (это семьи I и II). Во втором случае наблюдается свое существенное различие: дополнительные чтения могут быть присоединены в конце цикла, т. е. после 16-й недели (семья II 1), и могут быть включены между четвертой и пятой неделями (семья II 2). В последнем случае включаются чтения только на простые дни недели (с понедельника по пятницу включительно), вследствие чего простые дни в дальнейшем оказываются отстающими от соответствующих чтений на субботу и воскресенье по сравнению с другими полными апракосами мстиславского типа (по сравнению с семьями I и II 1). Если дополнительные чтения присоединены в конце цикла от пятидесятницы до нового лета (семья II 1), то состав этих чтений также может быть различным. В одних случаях присоединялись чтения только на субботу и воскресенье 17-й недели (семья II 1а), в других добавлялись еще и чтения на простые дни (с понедельника по пятницу; семья II 1б). В последней семье есть свои разветвления, образуемые неодинаковым составом чтений по содержанию. Так, в одном случае чтения на понедельник начинаются с М. X 46 (семья II 1б α), в другом — с М. XII 13 (семья II 1б β), наконец, чтения на понедельник могут начинаться с М. XIII 9 (семья II 1б γ).

На основании изложенного легко убедиться, что даже такое текстологическое исследование, которое не ставило целью проанализировать все детали и сложную совокупность текстологических закономерностей, показывает, что рукописи славянских (в подавляющем большинстве древнерусских) полных апракосов XII—XIV вв. существенно различались, что существовали определенные типы, группы и семьи их. Пока нами выявлено 15 «чистых» семей и несколько смешанных, возникших благодаря переписке отдельных рукописей с двух или нескольких списков, принадлежавших к разным семьям.

Семьи представлены числом пергаменных рукописей, колеблющимся от одной до нескольких десятков.

Вряд ли может быть сомнение в том, что выявленные группы и семьи (и другие, пока не обнаруженные) полного апракоса мстиславовского типа возникли на славянской почве. Можно полагать даже, что большинство их возникло на Руси, в разных местах и, видимо, не одновременно — в XII, XIII и XIV вв. Теперь возможен второй, основной, этап изучения этих текстов: выявление диалектной или территориальной принадлежности этих групп и семей. Это исследование может дать материал для исторической грамматики, для истории русского литературного языка, а также для разработки других лингвистических вопросов.

* * *

В случаях, когда тексты традиционного содержания восходят полностью или частично к инославянским переводам, особенно осуществленным в первые века славянской письменности, от которых подлинные рукописи не сохранились, памятники традиционного содержания могут дать исключительно ценный материал для лингвистического исследования.

Поскольку первым переводом на славянский язык было какое-то неизвестное по составу евангелие, в тексте этого памятника могут быть языковые черты, связанные не только с принадлежностью к определенной семье или группе текстов, оформившейся в течение среднего или последнего этапа развития древнейшего периода нашей письменности (см. предыдущий раздел статьи), но и языковые черты, восходящие к древнейшему этапу славянской письменности. Этап этот очень важен для истории всех славянских языков, но почти не представлен памятниками вследствие утраты их. Так, имеются языковые явления, отраженные в орфографии и словаре рукописей, которые связаны с разными редакциями и даже разным переводом отдельных частей указанного памятника.

Характерно при этом то обстоятельство, что одновременность создания на славянской почве отдельных частей текста можно иногда проследить (но не объяснить!) на материале одной и той же рукописи, например Мстиславова евангелия. Оно обширнее других текстов и является древнейшим сохранившимся до нашего времени списком полного апракоса. Особая полнота его объясняется тем, что характерные для полного апракоса повторяющиеся чтения в этой рукописи не указываются посредством ссылок

на предшествовавшие или последующие чтения, как бывает в большинстве случаев в списках полного апракоса, а пишутся полностью повторно и даже по третьему или четвертому разу (если в течение года текст читается несколько раз). При сравнении текста и языка повторяющихся чтений выявляются как фонетические и морфологические, так и лексические различия. Некоторые из последних объясняются разным положением в тексте целого чтения на определенный день, например: **кѣслѣдъ юго** (Мт. IV 25) в середине чтения на вторник 1-й недели по пятидесятнице и соответственно **кѣ слѣдъ Іса** в начале чтения на 14 января. Это — различие текстологическое и отношения к языку не имеет. Но есть немало лексических различий иного рода. Например, чтение Мт. V 11 содержит глагол **оуборать** во вторник 8-й недели по пятидесятнице и глагол **поносать** в чтении на 14 января. В Мт. VI 32 в чтении на воскресенье 3-й недели по пятидесятнице, имеющемся и в полных, и в предшествовавших им кратких апракосах, повторяются лексические варианты — **страны** и **языци**, тогда как в собственно полноапракосном чтении в понедельник первой (по другому счету — второй) недели по пятидесятнице написано только слово **языци**. В чтении Мт. XX 9 на 9 марта повторяется целое сочетание: **кѣзаша по сребрьникоу. приаша по пѣназю**, тогда как в собственно полноапракосном чтении на среду 8-й недели по пятидесятнице: **кѣзаша по сребрьникоу**. Аналогичный факт в чтении Мт. XX 12, где на 9 марта написано: **понесшимъ таготоу днѣ знои и варь**, а в том же тексте на среду: **подъкпашимъ таготоу днѣ и знои**. В чтении Мт. XXIV 43 на литургии в великий вторник, т. е. в тексте, восходящем, по-видимому, к первому переводу, имеем: **не бы оставилъ подъкопати храма своѣго**; в собственно полноапракосном тексте на пятницу 10-й недели по пятидесятнице лексика другая: **не бы оставилъ подъкопати клѣти своѣ**; почти то же имеем и в краткоапракосном тексте на субботу 16-й по пятидесятнице: **не бы оставилъ подъкопати клѣти своѣ** и, наконец, совсем иначе это место передано в чтении на 30 сентября: **не далъ бы подъкопати домоу своѣго**. Характерно, что слова **домоу своѣго** и **клѣти своѣ** имеются только в русских списках полных апракосов (Мстиславовом и Юрьевском начала XII в. и в Сий-

ском 1339 г.; остальные пока не просмотрены для этого текста), но отсутствуют в Ассеманиевом, Остромировом, Реймском, Туровском, Архангельском, Македонском, Мариинском, Мирославовом и в списке Григоровича № 1691—все эти рукописи представляют собой краткие апракосы, тетраи или полные апракосы мирославовского типа. В тексте Мт. XII 15 представлено выражение **ити въ слѣдъ — въ слѣдъ идоша** для краткоапракосного текста, имеющегося также и в полном апракосе на субботу после рождества (в других списках перед рождеством). Так, в Саввиной книге, Архангельском и Реймском евангелиях, т. е. в списках кратких апракосов древнерусских и симеонова круга, с одной стороны, и в субботних чтениях Мстиславова и Юрьевского полных апракосов — с другой. В том же чтении на вторник 4-й недели по пятидесятнице в полных апракосах Мстиславовом, Юрьевском и Сийском, а также в Мариинском четвероевангелии выражение **ити по: по немъ идоша**; оно же представлено в кратких апракосах Ассеманиевом и Македонском; в Остромировом в субботнем чтении другой оборот: **послѣдовааше нисови**. Показательно различие в лексике полных апракосов в частях, восходящих к краткому апракосу, и в частях, присущих лишь полным апракосам и тетрам, в чтениях Мт. XX 10 и Мт. XX 13, где на 9 марта в Мстиславовом употреблено слово **пѣназь**, как в Ассеманиевом, Архангельском, Остромировом, Мариинском, Мирославовом и Григоровича № 1691, а в полноапракосном чтении, отсутствующем в кратких апракосах, Мстиславово, Юрьевское и Сийское имеют слово **сребръникъ** (на 9 марта текст в Юрьевском и Сийском отсутствует).

Приведенные примеры показывают, что памятники традиционного содержания, даже такие, как евангелие и апостол, представленные для древнейшей поры нашей письменности большим количеством рукописей в отечественных книгохранилищах, имеют богатейший лингвистический материал; использование этого материала без текстологического исследования не дает возможности обнаружить многие закономерности и сделать определенные лингвистические выводы.

В настоящее время, когда в целом изучено много древнейших рукописей, рассчитывать на открытие новых крупных древних памятников славянской письменности или списков с известных памятников вряд ли можно (введение в научный оборот новгородских берестяных грамот — принципиально нового типа памятников русской письменности, открытых А. В. Арциховским, — представляется счастливым исключением). Поэтому для извлечения новых данных в первую очередь по исторической грамматике славянских языков с древнейшего доступного для изучения периода, так же как и для подкрепления и детализации уже известных закономерностей, материал должен быть найден в текстах, имеющих в наших хранилищах. До сих пор он изучен недостаточно.

Лингвистическое изучение памятников традиционного содержания должно проводиться с учетом их истории и с предварительным выявлением языковой (диалектной) принадлежности не только отдельных списков, но также групп и семей, в которые эти списки входят. Для некоторых из них, кроме того, необходимо иметь в виду, что некоторые части в этих списках могут восходить к особым переводам и редакциям, осуществленным в разных славянских землях, и притом не одновременно.

Такой подход к изучению языка традиционных текстов позволит исследователю, вскрыв исторические наслоения в языке и орфографии рукописей, выявить существенные особенности и общие черты языка и проследить закономерности их развития у отдельных славянских народов и племен древности.